

Б.С. Пушкарёв

ГОСУДАРСТВО

И ЭКОНОМИКА

Москва
«Посев»

Борис Пушкарёв

**Государство и экономика.
Введение для неэкономистов**

«ПОСЕВ»

2010

УДК 330.1
ББК 65.01

Пушкарёв Б. С.

Государство и экономика. Введение для неэкономистов /
Б. С. Пушкарёв — «ПОСЕВ», 2010

ISBN 978-5-85824-192-8

Объяснение основных экономических понятий применительно к участию государства в народнохозяйственной жизни. Текст основан на 10 лекциях, прочитанных автором в 1993 и 1994 гг. в Новом гуманитарном университете в Москве, а с 2006 г. М.В. Зибаревым в Орском филиале Оренбургского государственного университета. Для студентов начальных курсов, а также для широкого круга читателей, нуждающихся в ликбезе по экономике.

УДК 330.1
ББК 65.01

ISBN 978-5-85824-192-8

© Пушкарёв Б. С., 2010
© ПОСЕВ, 2010

Содержание

1. Предмет разговора	6
1.1. Введение	6
1.2. Определение понятий	8
1.3. Экономическая политика и общественный строй	11
1.4. Свойства рынка и договорных цен	13
2. Укрепление договорных отношений	15
2.1. Восполнение несовершенств рынка	15
2.2. Правовое и информационное обеспечение рынка	17
2.3. Последствия прямого вмешательства в рынок	20
3. Предоставление благ общего пользования	24
3.1. Блага общего пользования и плата за них	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Борис Пушкарёв
Государство и экономика.
Введение для неэкономистов

Борис Сергеевич Пушкарёв

1. Предмет разговора

1.1. Введение

Мировой финансово-экономический кризис 2008–2009 годов преподал миру по меньшей мере три урока.

1. Экономика, хотя и имеет дело с материальными ценностями, строится на ценностях духовных, прежде всего на доверии. Достаточно было большему, чем обычно, числу людей нарушить оказанное им доверие, а именно, перестать платить по долгам за недвижимость, чтобы начала трещать вся банковская система США, а затем и других стран. Сокращение банковского кредита повлекло за собой сокращение строительства, производства и рабочих мест, а за ними и потребления. Стало видно, в какой мере нынешняя экономика зависит от денег, взятых в займы, то есть от доверия. Да и торговля акциями, облигациями на бирже ведь не торговля благами, а только обещаниями будущих благ.

2. Кризис заострил и другой коренной вопрос – о противоречии между экономикой и экологией. Оба эти понятия происходят от греческого слова *οικος*, что значит дом. *Номос* значит закон, *логос* – слово, то есть экономика это как бы домозаконие, а экология – домо-слово. Обе науки говорят о среде нашего обитания, одна о рукотворной, другая о нерукотворной. А на практике получается, что ради выхода из экономического кризиса экономисты требуют расширения потребительского спроса. Без непрерывного роста потребления успешную экономику себе теперь и представить невозможно. А экологи показывают, что бесконечный материальный рост на Земле в принципе невозможен, что всякий рост достигает своего предела. Более того, именно необузданный рост потребления – в частности, потребления энергии, металлов, растительных продуктов – угрожает существованию жизни на Земле. Что надо не увеличивать, а сокращать потребление или, по меньшей мере, переводить его в иные, менее энергоёмкие и материалоемкие формы. Что требует новых технологий и иного поведения людей.

3. Из этих двух уроков следует третий – о роли государства в хозяйственной жизни. Спор о том, что должно господствовать – частная инициатива на рынке или государственное регулирование – идет уже примерно три века. После первого серьезного обвала частного владельческого капитализма в результате биржевого кризиса 1929 года казалось, что настал век социализма, победившего в наиболее жесткой форме в сталинском СССР, частично в гитлеровской Германии, и в самой мягкой форме в США президента Рузвельта. После Второй мировой войны обновленный капитализм обрел второе дыхание, и миру было дано шесть десятилетий быстрого и почти непрерывного экономического роста. Последовательный социализм – без частной собственности на средства производства и без рынка на деньги – был отвергнут в Китае, в Советском Союзе и в большинстве следовавших за ними стран. Все, казалось бы, было прекрасно, пока не грянул кризис 2008 года – кризис, созревший в недрах рыночной финансовой системы и вызванный конкуренцией за то, кто сможет предложить самые льготные условия выдачи денег в займы. И тут повсеместно в экономику вмешалось государство. «Правые», всю жизнь выступавшие против государственной собственности, стали быстро национализировать банкротившиеся предприятия, а «левые» – обвинять их в том, что они «на наши трудовые гроши кормят жирных котов».

Массированное государственное вмешательство сработало, кризис на этот раз не достиг такой глубины, как после 1929 года. Но, тем не менее, складывавшиеся после 1929 года инструменты государственного воздействия на рынок оказались недостаточными, и пред-

стоят годы их совершенствования и наладки. Потому наша тема – об отношениях между государством и экономикой – обещает оставаться актуальной.

1.2. Определение понятий

Речь у нас пойдет об экономической политике, то есть той политике, которую государство ведет в отношении народного хозяйства. Наш курс сознательно назван ВВЕДЕНИЕМ в экономическую политику, поскольку мы можем лишь кратко ознакомиться с основными вопросами, которые в рамках этого предмета приходится решать, и с главными закономерностями, которым эти решения подвержены.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ значит касающаяся ЭКОНОМИКИ как науки о законах ведения хозяйства. Учебники обычно определяют экономику как науку о том, как использовать ограниченные ресурсы для удовлетворения неограниченных по существу потребностей общества. Есть и более расширенное толкование – как науки о том, как люди осуществляют выбор. Это предполагает, что люди себе ставят цели и затем добиваются их разумным путем. Неразумный, нецелесообразный путь по определению к цели не приведет; потому действия людей поддаются *логическому* анализу, на котором и построена экономика. Другое дело, что сама постановка целей отнюдь не обязательно разумна; тут играют роль и воля, и чувства, даже страсти. Но вопросом о том, что людей к постановке тех или иных целей приводит, занимается психология; этот вопрос стоит вне экономики. Вне экономики стоит и вопрос оценки поставленных целей; этим занимаются религия, этика, экология, общественная доктрина, все те дисциплины, которые заняты вопросом *ценностей*. Римские папы в своих энцикликах *Rerum novarum* (О новых явлениях, 1891) и *Quadragesimo anno* (В сороковой год, 1931) давали *оценку* различным видам экономического поведения с точки зрения Церкви, но отнюдь не создавали «христианской экономики».

Наконец, что такое ПОЛИТИКА? *Полис* по-гречески значит город, но город не столько как совокупность улиц и зданий, сколько как община людей, как общее дело людей, наподобие латинского *res publica*. По первоначальному смыслу, политика – это выявление *общих* интересов, направление общей, совместной деятельности, со всеми смежными вопросами нахождения согласия, использования влияния и власти.

Итак, ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА – это та линия поведения государственной власти, которая касается народного хозяйства. Для того чтобы достигать поставленных целей, она должна считаться с закономерностями, которые этому хозяйству присущи, то есть с законами экономики.

Напрашивается вопрос: а в чем разница между экономической политикой и политической экономией? Разница очень большая. Уже до революции 1917 года в Московском коммерческом институте (позже Академия имени Плеханова) читался курс «Экономическая политика», отдельный от ряда курсов по политической экономии. Термин «политическая экономия» был широко принят во всем мире около 100 лет, с тех пор как Давид Риккардо в 1817 году издал свои «Принципы политической экономии». В той мере, в какой она шла от Адама Смита (его «Богатство народов» вышло в 1776 году), эта дисциплина включала начатки того, что мы сегодня называем экономикой, но также и элементы государственного права, социологии и общие рассуждения о хозяйственном строе. Это было направление мысли, в рамках которого работал Карл Маркс; поэтому термин «политэкономия» сохранился в России в годы советской власти. В остальном мире он был забыт по мере созревания экономики как самостоятельной *научной*, а не гуманитарной дисциплины. Истинность или ложность экономических теорий доказывается логическим путем; это дает возможность перевести их на язык математики, на язык формул, а не словесных сочетаний, что и сделали впервые Леон Вальрас во Франции в 1877 и Альфред Маршалл в Англии в 1890 годах. В последующее столетие, сначала по мере накопления статистических данных, а затем по мере совершенствования вычислительной техники, экономика становилась наукой, все больше

опирающейся на математические модели. Модели эти подвержены разным видам ошибок – логических (неверная или неполная теория) и фактических (статистика не соответствует действительности), и уж, конечно, не могут предсказывать будущие волевые решения людей. Тем не менее, они полезны для анализа разных вариантов экономических событий и результатов политических решений и широко применяются.

Одновременно созревали и другие дисциплины, выросшие из «политэкономии»: социология, политология. Они также стремились опереться на математику, но преимущественно в плане описательном, а не в плане построения теорий. Их основной шаг вперед был в другом – они стали понимать разницу между объективным и нормативным, между фактами и оценочными суждениями, между тем, что относилось к науке, и тем, что относилось к аксиологии, к области ценностей. Эта разница очень важна. Наука говорит на языке предложений типа «если, то». Если падает цена, то растет спрос. Если растет цена, то спрос падает. Если выпуск денег превышает их обеспечение товарами и услугами, то деньги теряют цену. Если надо предотвратить злоупотребление властью, то власть должна сдерживать власть. Все это положения, которые не меняются от того, желателен или нежелателен данный исход.

Оценка желательности или нежелательности того или иного исхода, вопрос о том, что хорошо, а что плохо (для меня лично или для общества в целом) – это уже вопрос не науки, а личных и общественных *ценностей*. Именно из этой сферы и проистекают те цели, которые ставит себе политика, в том числе экономическая политика.

Личные ценности это те, которые определяют интересы человека и его стремления, например, к богатству, власти, здоровью, знанию, привязанности, праведности, умению, уважению (8 ценностей по Ласвеллу). Защита достоинства человеческой личности, предельное раскрытие заложенных в ней творческих сил, стремление к справедливости и солидарности – это общественные ценности, соединяющие личные и групповые интересы в политическом процессе

Итак, постановка целей, желательность – это вопрос ценностей, вопрос аксиологии (в том числе этики и эстетики), вопрос психологического склада данного человека или общества. Достижимость целей, способы их достижения – это вопрос науки, изучающей материал, в среде которого эти цели должны быть достигнуты. Когда архитектор рисует проект дома, он ставит эстетическую цель; но чтобы дом не обвалился, он должен быть знаком с наукой о сопротивлении материалов. Материал экономики – это действия людей в условиях, когда они обладают средством обмена (например, деньгами).

В области науки – экономики, социологии, политологии и прочих, можно, обладая нужными знаниями и умением, быть специалистом. Такие специалисты нужны в правительстве, в коммерческих и общественных организациях. Они компетентны в сфере знания фактов, они должны знать, как наиболее эффективно осуществлять мероприятия, направленные на достижение поставленных целей. Но если исходить из достоинства и свободы человеческой личности, из того, что никто не имеет права навязывать человеку чуждые ему ценности, то в сфере ценностей – компетентен каждый совершеннолетний человек. Что не значит, что его выбор не подвержен влиянию образования, моды, рекламы.

На рынке каждый человек голосует деньгами за то, что ему, сообразно структуре его *личных* ценностей (потребностей, вкуса), важнее всего, что ему, в рамках его возможностей, принесет наибольшее удовлетворение. Но, во-первых, далеко не все нужное продается на рынке, а во-вторых, любая система больше, чем сумма составляющих ее частей. Потому удовлетворение общества *нечто большее, чем сумма всех личных удовлетворений*. Ранее мы сказали, что политика – это выявление *общих* интересов и ценностей, и как таковая она призвана восполнять и направлять рынок.

Выявление *общих* интересов и ценностей может быть вручено одному лицу (диктатору) или группе лиц (олигархии), но суть демократического правления в том, что *каждый*

гражданин должен участвовать в постановке политических целей, отстаивая и собственные интересы, и свое понимание общественного идеала. Демократическая политика отличается от рынка, между прочим, тем, что в политическом процессе, по замыслу, все избиратели равны, в то время как на рынке равны все рубли, а отнюдь не обладатели рублей. Это еще одна причина, вызывающая необходимость экономической политики, включение политических начал в дела хозяйственные.

1.3. Экономическая политика и общественный строй

Характер и сфера деятельности экономической политики зависят от характера отношений между народным хозяйством и государством. В XX веке существовало примерно четыре типа этих отношений.

а. Народное хозяйство, в принципе, *независимо* от государства (*либерализм*). Почти все вопросы распределения ресурсов в обществе решает рынок. Государство обеспечивает законность, в рамках которой совершаются хозяйственные сделки, но в остальном, за исключением сбора налогов и пошлин, в хозяйственные дела не вмешивается. Права частной собственности ограничены минимально. Эта система существовала, например, в Соединенных Штатах Америки, условно говоря, до 1918 года (начало Федерального резервного банка и подоходного налога).

б. Социально-рыночное, или *направляемое* хозяйство. Большинство вопросов распределения ресурсов решает рынок. Но, используя преимущественно экономические рычаги, а не административное вмешательство, государство активно стремится обеспечить возможно полную занятость, непрерывный хозяйственный рост и устойчивость валюты. Налоговая политика не ограничивается задачей пополнения казны, а ставит себе цели *перераспределения доходов и компенсации внешних издержек* (см. ниже). Соблюдается принцип, что государство не может быть субъектом хозяйственной деятельности: ему не должны принадлежать предприятия. Однако право частной собственности признается служебным (право употребления, но не злоупотребления) и ограничено, пусть в мягкой форме, сложной системой регулирующего законодательства. Наиболее четким примером этой системы во второй половине XX века стала Федеративная Республика Германия.

в. Скованный рынок, или *управляемое* хозяйство. Рынок как распределитель ресурсов налицо, но его решения сильно искажены политическим вмешательством. Государство вмешивается в хозяйственную жизнь не только косвенно, через рынок, но и прямым административным путем, в той или иной мере регулируя цены, нормы прибыли и т. д. Помимо целей полной занятости, экономического роста и обеспечения малоимущих, оно ставит себе задачи мобилизации ресурсов на определенные общегосударственные цели (например, вооружение), то есть ведет *промышленную политику*: (см. ниже) и составляет хозяйственные планы. Право частной собственности сильно и порой произвольно ограничено, государство само участвует как субъект в хозяйственной деятельности, через находящиеся в его собственности предприятия. Примерами такого строя служат национал-социалистическая Германия 1933–1945 годов и фашистская Италия, а также страны Третьего мира, пытавшиеся строить свои «модели социализма».

г. *Командно-административная* система хозяйства (*тоталитаризм*), при которой рынок почти полностью подавлен, все средства производства принадлежат государству, деньги, цены, прибыль, налоги не играют самостоятельной роли; план есть закон, согласно которому ресурсы распределяются в административном порядке. Экономике как таковой нет, она просто одна из отраслей государственного управления, которой ведают энное количество министерств. Законченным примером такой системы служил Советский Союз на протяжении двенадцати пятилеток.

Очевидно, что перечисленные четыре системы не надо рассматривать как какие-то дискретные категории; это всего лишь четыре точки на кривой, которая начинается с максимальной хозяйственной свободы и кончается – минимальной. Между каждой из этих точек есть много промежуточных. Тоталитарная модель имела свои, более мягкие варианты в Венгрии и Югославии, но и они оказались нежизнеспособными. Когда

Людвиг Эрхард в 1948–1963 годах отстраивал в Германии свою социально-рыночную модель и совершал «экономическое чудо», он двигался прочь от того, что он называл «принудительным хозяйством», в сторону либерализма; причем двигался быстрее и дальше, чем желали не только его оппоненты из социалистов, но и американские оккупационные власти. Впрочем, в некоторых отношениях (рынок труда, режим работы розничной торговли) немецкая система остается жестко регламентированной. Не все развитые страны пошли далеко в сторону либерализма – хозяйственный строй Франции то и дело отклонялся в сторону «дирижизма»; то же по-своему делали Швеция и Япония, а в Италии сохранился крупный государственный сектор, наследие фашизма. С другой стороны, США с середины 1930 годов неуклонно двигались от либеральной модели в сторону социально-рыночной, и даже т. наз. «рейгановская революция» 1980–1988 годов, стремившаяся исправить некоторые эксцессы государственного вмешательства в народное хозяйство, это движение не остановила (хотя и ослабила власть профсоюзов). Фактом остается то, что опытным путем, путем проб и ошибок, история отбросила крайние варианты либерализма и тоталитаризма, и что вариант жесткого дирижизма тоже отодвигается в прошлое в той же Южной Америке или Индии. Центральной тенденцией развития остается социально-рыночная модель. Что вовсе не значит, что она лишена своих собственных проблем. Об экономической политике в условиях этой модели, о проблемах, которые ей предстоит решать, и об уроках, которые из этого можно извлечь для российского народного хозяйства, и пойдет речь.

Заметим, что в каждой из перечисленных четырех систем рынок хоть в какой-то мере присутствует. Это не случайно. Рынок – вовсе не изобретение «эпохи капитализма», он складывался в течение многих тысячелетий, с тех пор как возникло разделение труда и люди стали обмениваться вещами и услугами. Последние несколько столетий отличны лишь тем, что рынок охватил более широкий ассортимент благ и услуг. В обществах древности и средневековья *традиция* и *приказ* играли более важную роль, и целый ряд ресурсов обмену на рынке просто не подлежал: не продавалась, например, земля, которая или передавалась по наследству, или принадлежала общине, или государю, который ею наделял по своему усмотрению. Не продавалась на рынке рабочая сила: в сословном обществе каждый делал то, что ему по сословному положению положено, а не ехал, куда захочет, чтобы зарабатывать деньги. Да и торговля деньгами – то есть банковское дело – было сугубо ограничено, когда взимание процента по займу считалось безнравственным.

Новое время, с его понятиями достоинства и свободы человека, который сам полномочен решать, что ему нужно, и свободно об этом договариваться с другими людьми, положило многим ограничениям конец. Сфера рынка, то есть добровольного обмена между равноправными сторонами, очень расширилась, и результаты отразились в скачкообразном росте материального достатка населения за последние четыре столетия. Причиной этого роста был не только научно-технический прогресс: паровая машина работала еще во втором веке до Р.Х. в Александрии, но при рабовладельческом строе она никому не была нужна и оставалась забавной игрушкой. Только изменение общественного сознания, начиная примерно с семнадцатого века, расширение сферы рынка сделали научно-технический прогресс полезным для общества и этим обеспечили его успех.

1.4. Свойства рынка и договорных цен

Основатель «австрийской экономической школы» Людвиг фон Мизес пишет в книге «Действия человека»:

«Рыночная экономика – это общественный строй разделения труда при частной собственности на средства производства. Каждый действует в своих интересах: но действия каждого направлены на удовлетворение нужд других людей, равно как и своих собственных. Каждый служит своим согражданам. И каждого обслуживают его сограждане... В деятельности рынка нет ни принуждения, ни насилия... Государство как инструмент принуждения создает и охраняет среду, в которой рынок может безопасно действовать... Каждый человек свободен; он по собственному желанию включается в систему сотрудничества. Рынок его направляет и указывает ему, как наилучшим образом способствовать собственному благополучию и благополучию других... Рынок это не место, не вещь и не сборище людей. Рынок – это процесс, вызванный взаимодействием людей, сотрудничающих в условиях разделения труда. Силы, которые определяют постоянно меняющееся состояние рынка – это оценочные суждения людей и действия, порожденные этими оценками».

«Денежный экономический расчет – интеллектуальная основа рыночной экономики. Задачи, которые приходится решать в системе разделения труда, иначе решить нельзя. Рыночная экономика ведет расчет в денежных ценах. Тот факт, что она на это способна, был условием ее успешного развития. Рыночная экономика реальна потому, что она умеет считать».

«В начале каждого шага на пути к большему достатку лежат сбережения... Они – основа человеческой цивилизации. Без сбережений и накопления капитала не было бы и служения нематериальным ценностям».

«Конкуренция, соревнование присущи любой форме общественной организации... Это соперничество между людьми, которые стремятся превзойти друг друга. Конкуренция не борьба и напрасно к ней применять метафоры конфликта... Потерпевших в ней неудачу не уничтожают – они просто передвигаются на более скромное положение в обществе, более соответствующее их достижениям...»

«Управление делами рыночной экономики – задача предпринимателей. Они контролируют производство. Они у руля. Поверхностному наблюдателю может показаться, что они командуют кораблем. Но это не так. Они обязаны беспрекословно слушаться капитана. А капитан – это потребители. Ни предприниматели, ни фермеры, ни капиталисты не решают, что производить.

Потребители решают. Они норовят купить то, что им хочется, и по самой дешевой цене. Их покупки и их воздержание от покупок решают, кому будут принадлежать предприятия и кто ими будет управлять. Они делают богатых – богатыми и бедных – бедными. Они решают точно, что надо производить, какого качества и в каком количестве. Они – безжалостный начальник, капризный и непредсказуемый. Их ничто не интересует, кроме собственного удовлетворения... А владельцы факторов производства и предприниматели – едва ли более, чем временные попечители, которых потребители могут отозвать в любой момент на выборах, повторяющихся ежедневно».

Если эта цитата звучит несколько поэтически, то те же мысли можно выразить более аналитически. Следующая цитата – из документа НТС «Основы обновления народного хозяйства» (ПОСЕВ, 1982, № 4).

«В основе рыночных отношений лежит добровольная сделка, т. е. сделка, при которой у каждого из контрагентов была возможность выбора и которую они заключили лишь потому, что оба видели в ней выгоду. Сделка, таким образом, в отличие от планового здания, осно-

вана на согласовании, а не на подчинении. В результате многочисленных подобных сделок и складывается рыночная цена, отражающая соотношение между спросом и предложением, то есть реальную полезность и редкость каждого товара.

В условиях рыночного хозяйства вопрос «что производить» решается просто: потребитель голосует рублем. Этим он определяет и объем, и ассортимент, и качество выпускаемой продукции. При этом цена несет двойную нагрузку: она носитель информации и, одновременно, система поощрений и взысканий. Как носитель информации она гораздо надежней, чем показатели выполнения плановых заданий, поскольку нет ни нужды, ни возможности ее фальсифицировать. Как стимул она апеллирует непосредственно к личной выгоде, не требуя ни административных мер, ни ордеров, ни идейных побуждений».

«Каким же образом разобщенные и конкурирующие между собой предприятия, без всякого Госплана и десятков министерств, выбирают «оптимальный», с точки зрения общества, вариант производства?

Степень полезности товара сказывается на его цене. Пока цена превышает предельные издержки, то есть стоимость выпуска одной добавочной единицы этого товара, предприятие будет увеличивать объем производства, поскольку каждая добавочная единица приносит прибыль. Когда же предельные издержки уравниваются с ценой, то общая сумма прибыли от всех предыдущих единиц достигает максимума, и дальнейшее расширение производства теряет смысл. **Таким образом, в условиях совершенной конкуренции на рынке цена равна «предельным» (но отнюдь не средним!) издержкам, а предприятие получает максимально возможную прибыль.**

Когда цены всех товаров равны предельным издержкам, их производства, то последний рубль, истраченный на выпуск любого товара, не даст большего эффекта, чем если его израсходовать на производство какого-либо иного товара. Это свидетельствует об оптимальном состоянии производства. Если в жизни такое равновесие и не достигается, важно то, что механизм рынка заставляет к нему стремиться.

Кроме того, предельная производительность факторов производства, то есть тот добавочный доход, который принесет предприятию увеличение на один рубль затрат либо на наем рабочих, либо на покупку оборудования, либо на приобретение более удобного участка земли, будет увеличивать общую прибыль предприятия до тех пор, пока предельный доход не уравнивается с ценой на эти факторы. В этот момент прибыль достигнет максимума, и дальнейшие затраты на любой из факторов не смогут дать большей отдачи: их предельная производительность» будет одинаковой. Это – свидетельство их наиболее эффективного сочетания. Цены на факторы производства отражают ту прибыль, которую эти факторы (труд, оборудование, земля, предпринимательский талант) могут принести.

Наконец, потребитель, стремясь извлечь максимальную пользу из имеющихся у него средств, будет покупать какой-либо товар до тех пор, пока польза от приобретения одной добавочной единицы этого товара будет больше, чем от покупки какого-либо другого. Если от перераспределения покупок никто не может ни выиграть, ни проиграть, то при данном распределении доходов в обществе достигнуто оптимальное распределение благ».

Таковы свойства совершенного рынка в условиях конкуренции множества предприятий, полной осведомленности контрагентов и отсутствия преград в торговле. Об обеспечении этих условий и о компенсации ряда несовершенств рынка при помощи государственной политики пойдет речь в следующей беседе.

2. Укрепление договорных отношений

2.1. Восполнение несовершенств рынка

В прошлой беседе мы выяснили, что исправно действующий рынок обеспечивает, *во-первых* – максимально возможное удовлетворение потребителей, *во-вторых* – максимально возможную прибыль предпринимателей и, *в-третьих* – оптимальное размещение факторов производства. Большого, казалось бы, общество от своей хозяйственной системы требовать не может! Потому естественно задаться вопросом, при каких условиях все положительные качества рынка могут полностью заиграть?

а. Защита от насилия. Рассматривая свойства рынка, мы прежде всего выяснили, что это система, построенная на добровольном обмене. Обеспечить эту добровольность, создать правовые рамки, ограждающие от любых форм насилия – обмана, кражи, вымогательства, – дело государства. Оно одно в правовом обществе обладает властью защищать своих граждан от насилия, применяя когда надо силу.

б. Обеспечение информации. Другим условием исправной работы рынка служит информированность его участников. Частично эту задачу выполняет сам рынок через объявления и рекламу. Но очевидно, что такая информация может быть крайне однобокой. Сбор, обработка и распределение объективных статистических данных, равно как и наблюдение за полнотой и правдивостью рекламной информации – опять же дело государства.

в. Обеспечение благ общего пользования. Под благами и услугами общего пользования (коллективными благами) подразумеваются такие, за которые невозможно или не желательно взимать плату с каждого пользователя. Потому на них нет рынка. К ним относятся правосудие, охрана порядка и имущества, оборона и внешнеполитическое представительство, содержание улиц и общественных пространств. В связи с предоставлением этих благ возникает три вопроса: *во-первых*, где проводить грань между благами общего и частного пользования, *во-вторых*, как при отсутствии рынка рационально расходовать на них деньги, и, *в-третьих*, как строить налоговую систему для их обеспечения. Все эти вопросы нам предстоит рассмотреть.

г. Контроль над монополиями. Чтобы избежать дисциплины конкуренции, или в силу объективных технических условий предприятия порой стремятся монополизировать свой рынок и диктовать завышенные цены, от чего общество в целом проигрывает. В конечном итоге даже монополисты должны считаться с падением спроса при росте цен: они не застрахованы ни от конкуренции заменителей, ни от конкуренции из-за границы. Тем не менее, существует уже вековая практика ограничивающего частные монополии законодательства. В случае же т. наз. «естественных монополий» (например, электро- или газоснабжения) государство либо само берет на себя выполнение этих функций, либо, оставляя их частным предприятиям, берет под свой контроль их деятельность, цены и прибыль.

д. Компенсация внешних издержек. Здесь имеются в виду издержки, вызванные деятельностью отдельных лиц или организаций, но ими не оплаченные. Эти издержки ложатся бременем на других людей, общество в целом или даже будущие поколения. Сюда входят, например, загрязнение окружающей среды и нарушение режима промышленной гигиены. Нам предстоит рассмотреть два способа ограничения этих издержек: прямой административный контроль (нормы, запреты) и включение внешних издержек в рыночную цену путем налогов. Помимо внешних издержек, существуют и *внешние выгоды*: многие виды деятельности приносят пользу не только тем, кто за них платит, но и обществу в целом. Сюда отно-

сится, например, образование, здравоохранение, общественный транспорт. В таких случаях оправданы государственные дотации.

е. Перераспределение доходов. Ранее мы заметили, что рынок обеспечивает оптимальное распределение потребительских благ «при данном распределении доходов». Какое бы ни было в населении распределение доходов, рынок потребительские блага распределит оптимально. Но само распределение доходов, складывающееся на рынке, часто получается крайне неравномерным и потому считается несправедливым, нежелательным. Перераспределение достигается комбинацией налогов (на богатых) и дотаций (бедным). Нам предстоит рассмотреть не только различные приемы такой перекачки средств, но и ее отрицательные последствия и пределы.

ж. Смягчение циклических колебаний конъюнктуры. Ранее мы говорили о том, что рыночная цена устанавливается равновесием спроса и предложения и что вся система рыночного хозяйства стремится к равновесию. Но она к нему именно стремится, путем проб и ошибок; завышенные ожидания могут то и дело вести к перепроизводству, которое затем должно компенсироваться спадом. В результате происходит расточительство ресурсов: например, безработица. Потому, начиная примерно с 1930-х годов, правительства ставят перед собой задачу обеспечения **полной занятости и устойчивого экономического роста**. Решение этой задачи – одно из наиболее сложных. В нем участвуют, с одной стороны, бюджетная и налоговая политика, влияющая на совокупный спрос. С другой стороны, денежная политика, которая регулирует объем кредита и находящуюся в обращении денежную массу. Денежная политика крайне важна: от нее в основном зависит отсутствие или наличие разрушающей рынок инфляции. С третьей стороны – валютная и внешнеторговая политика, которая регулирует отношения страны с окружающим ее миром. Этим темам посвятим три беседы.

з. Промышленная политика. Здесь имеется в виду сознательное поощрение государством определенных отраслей промышленности. Таких, которые ему представляются наиболее перспективными для ускорения экономического роста, расширения экспорта или обеспечения безопасности на случай войны. Вопрос о том, оправдана ли такая «дирижистская» роль государства в нынешних условиях, остается спорным. Трудно доказать, что государственные чиновники (ничем не рискующие) лучше, чем предприниматели (рискующие своим капиталом) знают, какие отрасли производства надо поощрять на том основании, что они наиболее перспективны. Опыт промышленной политики в таких странах, как Япония или Франция был весьма пестрым – некоторые проекты оказались перспективными, другие провалились. Американская попытка развивать промышленность синтетического горючего в 1970-е годы полностью провалилась. Часто подобное вмешательство в рынок кончается поддержкой не перспективных, а наоборот, убыточных отраслей. В таком случае его следует рассматривать с точки зрения социальной политики, то есть перераспределения доходов. Типичным примером служит поддержка нерентабельных шахт в Германии ради сохранения рабочих мест горняков. В других случаях (например, космической промышленности) оправданием может служить политика оплаты внешних выгод, или благ общего пользования. Мы сосредоточим свое внимание на более строгих критериях государственного вмешательства и промышленную политику, как таковую, рассматривать не будем.

2.2. Правовое и информационное обеспечение рынка

Из вышесказанного должно быть ясно, что из всех перечисленных задач эта задача для государства – самая насущная. Никто кроме государства ее выполнить не может. Но от ее выполнения зависит само существование рынка; между тем, материальные затраты на нее – невелики. В США, например, государственные расходы на правосудие и правоохранительные органы, включая полицию и тюрьмы, составляют около 1 % валового национального продукта (ВНП).

Правовое обеспечение рынка требует, прежде всего, обеспечения прав собственности. Мало кто рискнет вкладывать деньги в собственность, которая окажется ему не принадлежащей. Это требует целого ряда мер, начиная от конституционных гарантий против отчуждения частной собственности (иначе как по закону, в судебном порядке, с полным возмещением убытков по рыночной цене) вплоть до государственной регистрации сделок, касающихся, например, недвижимого имущества.

Существенную роль играют права интеллектуальной собственности, охраняемые патентами и законами об авторском праве. Хотя такие законы и создают временные монополии, они считаются необходимыми для вознаграждения и поощрения изобретательства и творческой деятельности.

Крайне важно законодательство, по которому можно в судебном порядке требовать исполнения частных договоров и добиваться возмещения убытков в случае их невыполнения. Вся рыночная система построена на надежности частных договоров, на предпосылке, что обещания будут исполнены; если обещания ничего не значат, система распадается. Каждая из договаривающихся сторон должна быть уверена, что она не может безнаказанно нарушить договор.

Весьма объемно законодательство, определяющее правила работы банковской системы, правила работы фондовых и товарных бирж; для надзора за ними существуют специальные государственные учреждения.

Очень важную роль «творческого разрушения» (по Шумпетеру) играют законы о банкротстве. Предприятия, которые не создают ценностей, а поглощают их, должны с рынка удаляться. Для этого законодательство предусматривает упорядоченную процедуру, направленную на то, чтобы справедливо поделить убытки между кредиторами и ограничить личную ответственность вкладчиков и владельцев.

В экономически развитых странах детально разработаны законы о защите потребителей. Уголовно наказуема, например, фактическая дезинформация в рекламе, неполное разъяснение условий займа, отсутствие этикеток с перечислением состава данного пищевого продукта, несоответствие товара (например, детских игрушек) требованиям безопасности. Государственные стандарты и нормы порой вызывает протест «чистых» рыночников на том основании, что они лишают покупателя свободы выбрать, при желании, самый дешевый и низкосортный товар, что они плодят бюрократию и удорожают производство. Тем не менее, они способствуют конкуренции, создавая «ровное игровое поле»: выбирая ту или иную марку товара по той или иной цене, покупатель может быть уверен, что они удовлетворяют одинаковым минимальным требованиям. (Покупая в Германии любую марку немецкого пива, потребитель знает, что оно соответствует стандартам чистоты, восходящим к закону 1516 года.) Итак, стандарты повышают информированность рынка. Конечно, и помимо них пострадавший от дефектного товара покупатель всегда имеет право предъявить производителю гражданский иск.

Хотя даже в экономически развитых странах деятели торговли порой вынуждены прибегать к самозащите от краж, бандитизма и вымогательства и использовать частные охран-

ные службы, эти явления отнюдь не считаются климатом, способствующим хозяйственному развитию. Такой климат создает лишь твердая законность, обеспеченная правоохранными органами государства.

В итоге государственные законы призваны охранять добровольные сделки, при которых обе стороны получают взаимную выгоду, и пресекать такие, которые связаны с насилием или обманом, при которых одна сторона сознательно причиняет ущерб другой. В этом смысле противоправны были советские законы, каравшие как «спекуляцию» вполне добровольные сделки, дававшие очевидную выгоду обеим сторонам.

Особо стоит вопрос взяточничества, которое находится как раз на стыке народного хозяйства и государства, экономики и политики. Дающий взятку и берущий взятку могут считать, что заключают добровольный договор к взаимной выгоде, и если бы они оба были частными деятелями, то ничего зазорного в такой плате за услуги бы не было. Но в данном случае одна из сторон не частный деятель, а агент общества в целом, которому общество доверило блюсти его, общества, интересы и который этим доверием злоупотребляет. За это нарушение доверия, за приносимый ему ущерб общество вправе строго взыскивать. «Злоупотребление властью состоит в том, что орган власти осуществляет предоставленную ему функцию в своем личном интересе», превращая зависимость от государства в зависимость «от субъективного произвола отдельных органов власти, эксплуатирующих государство», — писал Н.М. Коркунов (Русское государственное право. СПб, 1904, с. 355). Конечно, полностью взяточничество едва ли кто искоренил: считается, что в Италии дают взятку на \$ 9,5 миллиардов ежегодно. И все же история знает достаточно примеров радикального и успешного сокращения взяточничества в тех же США на переломе XIX и XX веков. Для этого нужен комплексный ряд мер, в том числе: а) законодательство, четко определяющее «конфликт интересов» — между частными делами государственного деятеля и общественными; б) строгая независимость судебной власти и напористая инициатива прокуратуры; в) достаточная материальная обеспеченность чиновников и законодателей; г) соответствующая подготовка государственных служащих и отбор кадров на основе состязательных экзаменов, а не по личному знакомству или партийной принадлежности; д) достаточный уровень общественного правосознания, проявляющегося как через средства массовой информации, так и через политическую инициативу гражданских организаций («взяточников вон» как политический лозунг); е) наконец, надо помнить, что чем меньше частная деятельность подвержена государственному вмешательству, чем меньше требуется на нее разрешений и лицензий — тем меньше простор для взяточничества.

Перейдем теперь от правового к информационному обеспечению рынка. Во многом эти две функции перекрываются. Когда закон требует разглашения, скажем, полного состава консервной банки или пакета с печеньем, или энергоемкости электроприбора, или условий займа, или когда он заставляет писать на сигаретах, сколько в них смол и никотина, он требует предоставления покупателю информации, на основании которой тот может сделать обоснованный выбор.

Но регулирование потока коммерческой информации направлено не только на то, чтобы сделать его по возможности полным и правдивым. В разных странах по-разному, но имеется и стремление защитить потребителя от насилия коммерческой информации, от вторжений в его частную жизнь, от нарушения зрительного облика городской среды или природного ландшафта. Существуют, например, хотя и не достаточно развитые, правила группировки рекламы в телевизионных программах, правила защиты телефонных абонентов от назойливых рекламных звонков и факсов, правила, ограничивающие размещение рекламы на городских зданиях, рекламных щитов в городе или в открытом ландшафте. Местности, где общественное эстетическое сознание достаточно сильно, вовсе запрещают боль-

шие рекламные щиты, ограничиваясь информационными киосками у шоссе (штат Вермонт, США).

Наконец, поставку значительной части необходимой для работы рыночного хозяйства информации государство берет на себя. Самые яркие примеры – метеорологическая служба и служба статистики, включающая перепись не только населения, но и самых разных видов хозяйственной деятельности. И то и другое необходимо как государственным службам, так и коммерческим предприятиям и населению в целом.

Забегая вперед, можно сказать, что и метеорологическая, и статистическая информация – это формы «благ общественного пользования» в том смысле, что их предельные издержки близки к нулю: то есть раз информация собрана, то неважно, воспользуются ли ей 100 человек или миллион; дополнительные, или предельные издержки на то, чтобы ей воспользовался миллион, равны лишь расходам по ее распространению. Основной расход по ее сбору остается постоянным. Если мы исходим из рыночного правила, что цена равна предельным издержкам, а отнюдь не средним, то задача миллиона (минус 100 человек) – платить лишь за расходы по распространению. Основной, постоянный расход должен нести кто-то другой, в данном случае государство потому, что ни один частник таких не оплаченных пользователем расходов нести не пожелает.

Впрочем, некоторые такие частные, точнее, общественные предприятия есть – это промышленные и профессиональные организации, занимающиеся сбором статистики в собственных отраслях. Государству интересно, во избежание дополнительных расходов, способствовать распространению этой информации. Оно освобождает такие общественные организации от налогов, публикует их данные в своих статистических сборниках, субсидирует их распространение. Государство заинтересовано в максимальной информированности своих граждан. В частности, ради того, чтобы максимально эффективно работал рынок.

2.3. Последствия прямого вмешательства в рынок

До сих пор мы говорили о том, что государство может, как минимум, обеспечивать работу рынка, давая ему правовую защиту и помогая снабжать его нужной информацией. Но в реальной жизни государственным деятелям, будь они представители диктатуры или народные депутаты, или конгрессмены, или члены городского совета, порой бывает трудно воздержаться от вмешательства в работу рынка и не ставить свой авторитет выше суверенитета потребителя. Несложно придумать причины, почему рынок неправ, а я – прав.

В результате *административное вмешательство в ценообразование* до сих пор то и дело встречается на практике в разных концах мира. Подчеркнем, что мы сейчас говорим не о косвенном вмешательстве, когда государство своими операциями на рынке влияет на объем спроса или предложения, а о прямом административном вмешательстве. Посмотрим, что эта практика означает с экономической точки зрения.

Здесь не избежать небольшой доли математики. Представим себе график, на котором по вертикальной оси нанесена цена, а по горизонтальной – количество единиц продаваемого по этой цене товара (рис. 1).

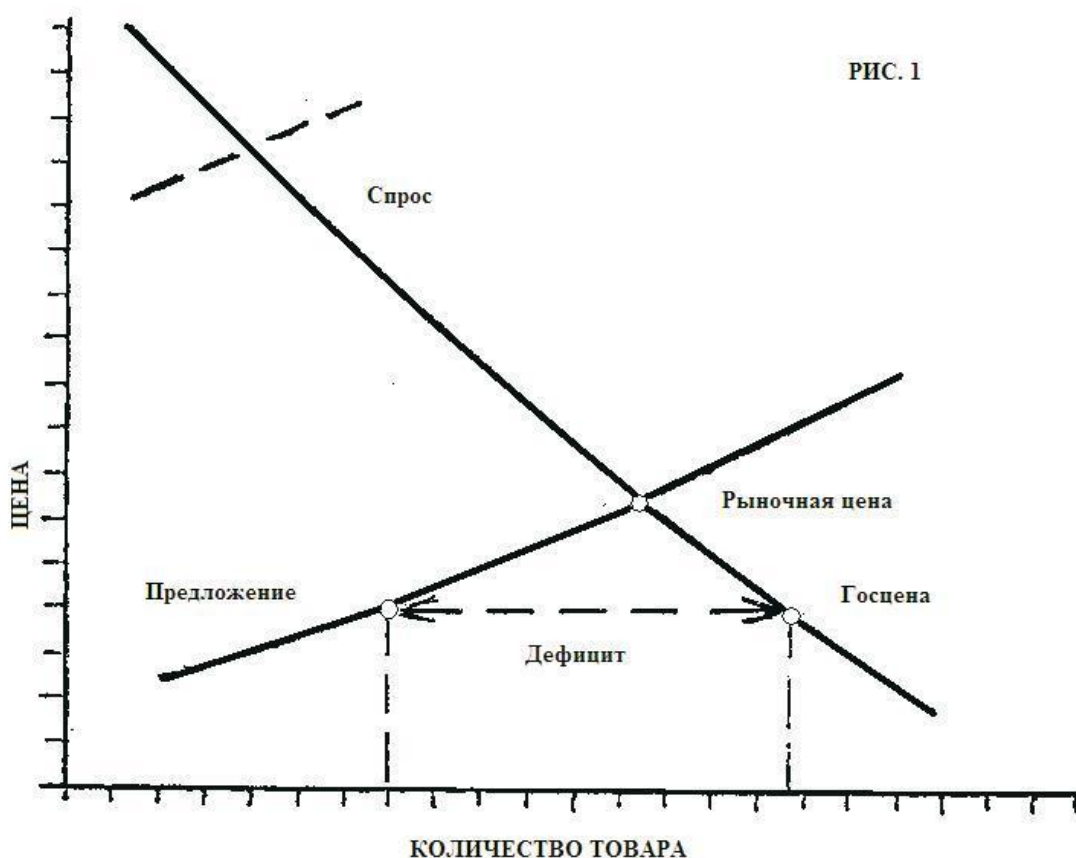

Рис. 1

Слева вверху направо вниз идет кривая спроса: по мере того, как цена на товар падает, количество продаваемых единиц растет. Чем ниже цена, тем больше товара люди готовы купить.

Слева внизу вправо вверх идет кривая предложения: по мере того как цена на товар растет, все больше производителей готовы включаться в его производство, больше производить.

Посередине две кривые пересекаются. Это и есть точка равновесия спроса и предложения, то есть рыночной цены. При этой цене и при этом количестве проданных единиц товара спрос и предложение находятся в равновесии (равновесная цена). Предельные затраты на производство данного товара равны его предельной полезности для потребителя. То есть затраты на производство каждой дополнительной единицы товара равны тому удовлетворению, которое от покупки каждой дополнительной единицы товара получает потребитель. Эта точка обозначена словами «рыночная цена».

Теперь допустим, что в дело включаются политики, считающие, что эта цена слишком высока, несправедлива и прочее. Что цену надо установить на более низком уровне, ниже точки равновесия спроса и предложения. Эта точка на кривой спроса обозначена словом «госцена». Теперь, если мы на уровне этой точки проведем горизонтальную линию от кривой спроса влево к кривой предложения, то увидим, что на этом уровне число предлагаемых к продаже единиц товара (исчисляемых по горизонтальной оси) значительно меньше, чем при цене рыночной. Горизонтальное расстояние от кривой спроса до кривой предложения на уровне госцены и есть тот дефицит товара, который создастся, если путем административного вмешательства занижить цену.

Этот дефицит означает, что люди, которые были готовы купить товар по рыночной цене, купить его не смогут. Они должны будут тратить время, стоя в очередях, и вероятность того, что они товар не приобретут, а простоят даром, равна отношению расстояния, обозначенного «дефицит», к расстоянию от госцены до вертикальной оси графика.

Фактически цена товара выросла все равно, но только надбавка к цене приобретает не денежную форму, а форму затраты времени и испытания прочих неудобств. Всегда найдутся люди, которые за избежание неудобств и потери времени будут готовы заплатить деньги. В ответ на такой спрос найдутся и предприимчивые дельцы, которые за риск незаконной сделки поднимут цену, то есть поднимут кривую предложения резко вверх, и на этом уровне будут торговать на «черном рынке» (пунктирная линия предложения влево вверх). Число проданных единиц товара будет значительно меньше, а вертикальное расстояние от старой кривой предложения до новой будет представлять ту надбавку, которую дельцы себе берут как вознаграждение за риск. Дефицит же товара, продаваемого по нормированной государственной цене, станет еще острее, так как часть предложения уйдет на черный рынок.

Если дефицит становится слишком острым, а товар, о котором идет речь, – товар первой необходимости, то государство постарается ввести карточную систему, чтобы уменьшить вероятность неполучения товара по нормированной цене. Фактически этим оно постарается ограничить спрос, то есть сдвинуть всю кривую спроса влево, ближе к точке предложения по госцене.

В итоге административное занижение цены неизбежно ведет к дефициту, очередям и прочим внерыночным способам распределения (например, карточной системе). Одновременно оно ведет к возникновению нелегального, «черного» рынка. Этих двух последствий регулированных цен никак не избежать. Проиллюстрируем эти принципиальные выводы на нескольких примерах.

Весьма типичный пример – регулирование цен на квартирную плату. В городе Нью-Йорке, например, со времен Второй мировой войны сохранилось административное ограничение квартирной платы, которую домохозяевам разрешается взимать. К чему это ведет? Прежде всего, к хроническому дефициту квартир. Если по стране в целом свободно 7,5 % сдаваемых в аренду квартир, что создает гибкий рынок, на котором быстро можно найти и снять квартиру, то в городе свободных квартир лишь 3 %, что создает значительные трудно-

сти при поиске: зачастую для снятия квартиры приходится дать взятку управдому (возникновение черного рынка). Хуже то, что ограничение доходности домов отнимает у хозяев стимул ремонтировать их, вкладывать в них деньги (ограничения квартплаты не распространяются на новостройки). Это ведет к износу и обветшанию жилищного фонда и способствует образованию трущоб, от чего в итоге страдают все. Благодаря дешевизне находящихся под контролем квартир, старожилы за них держатся десятилетиями, даже если им такие большие помещения давно не нужны: налицо явно нерациональное распределение ресурсов. С этим рынку трудно мириться; в районах, где население достаточно зажиточно, домохозяева стремятся избавиться от груза низкодоходных домов, превращают их в кооперативы и распродают, квартира по квартире. Для людей с достатком это выгодно, они дома приводят в порядок, квартиры ремонтируют, со временем продают с прибылью. Банкам это тоже выгодно, они зарабатывают на ипотечных займах, связанных с созданием кооперативов. Но лицам с малым достатком, ради которых первоначально и был введен контроль над квартирной платой, выгоды нет никакой: объем сдаваемого в аренду жилья сокращается, люди живут в ветшающих постройках, которые домовладельцы порой просто бросают, появляются бездомные. Так простое поначалу административное вмешательство в рынок вызывает целую цепь непреднамеренных последствий.

В 1974 и 1979 годах произошли совершенно исключительные в истории эпизоды, когда вся Америка сидела в своих автомобилях – в очередях за бензином. Велись панические разговоры о нефтяном кризисе, о грядущей нехватке нефти. На самом деле оба эпизода были вызваны попыткой административно контролировать цены на нефть. Как только цены были отпущены – бензин снова появился в изобилии, стало даже выгодно вкладывать средства в разработку новых месторождений. Более того, резкое повышение цен на энергоносители имело, в долгосрочной перспективе, благотворный результат: сократилось удельное потребление энергии за счет ее более экономичного использования. Если до 1973 года в США потребление нефти ежегодно росло, примерно в ритме с национальным доходом, то с тех пор оно отстает от роста населения и национального дохода.

Наряду с попытками заморозить цены делаются и попытки их в административном порядке поднять, в данном случае в интересах не покупателей, а производителей. Пример – установление обязательного минимума заработной платы. Цель как будто бы похвальная – улучшить материальное положение низкооплачиваемых рабочих. Но если цена найма низкооплачиваемых рабочих поднимается, то спрос на них со стороны предпринимателей должен упасть. По более высокой цене они нанимают меньше рабочих, чем наняли бы по более низкой. Кто-то получает более высокую оплату, чем получил бы на свободном рынке, но кто-то остается без работы вообще. Увеличивается безработица: опять получается результат, обратный тому, который был задуман. С точки зрения спроса и предложения безработицу вообще можно рассматривать как признак того, что цена на рабочую силу слишком высока. Правда, эффект установленной законом минимальной зарплаты может быть незначительным, если официальный минимум близок к тому, который бы сам собой установился на рынке. Но тогда законодательство имеет чисто символический характер и по существу не нужно.

Повторим: рыночная цена уравнивает предельные издержки со стороны производителя и предельную полезность со стороны покупателя. Этим она непрерывно стремится к равновесию, при котором ничье положение на рынке нельзя улучшить, не ухудшив чьего-то другого. Такое состояние называется оптимумом Парето по имени итальянского экономиста Вильфредо Парето (1848–1923). Соответственно, улучшения Парето это такие улучшения, при которых хотя бы один человек выигрывает и никто не проигрывает. Нарушая рыночное равновесие цен, административное вмешательство создает неоптимальное распределение

ресурсов и правила Парето грубо нарушает. К тому же, как мы видели, оно обычно вызывает целую цепочку непреднамеренных последствий.

Тем не менее, реально существует много социальных вопросов, как то неспособность многодетных семей обеспечить себя достойным жильем, или недостаточный заработок низкооплачиваемых рабочих. Приближаясь к требованиям Парето (хотя и не выполняя их в строгом смысле), государство может решать эти вопросы своим косвенным участием на рынке, давая таким лицам субсидии в порядке перераспределения доходов, которым мы займемся позже.

3. Предоставление благ общего пользования

3.1. Блага общего пользования и плата за них

Блага общего пользования и плата за них относятся, как мы выяснили ранее, к сфере деятельности не рынка, а общества в целом. Блага общего пользования, или коллективные, или неделимые блага – это такие, за которые невозможно или нежелательно взимать с каждого пользователя плату (к ним «неприменим принцип исключения»). Это блага, *предельные издержки которых незначительны, а трудность сбора оплаты по мере потребления – существенна*. Наоборот, частные блага это те, предельные издержки которых значительны, а трудность оплаты по мере потребления – невелика.

Проиллюстрируем эту разницу на примере. Если я включил радио и слушаю его, я никого не лишаю возможности тоже включить радио и слушать его: предельных издержек нет. Но если я говорю по телефону и занимаю линию, то другой человек ею пользоваться не может; нужны дополнительные издержки, чтобы провести вторую линию. К тому же в первом случае было бы очень накладно ставить каждому счетчик и измерять, сколько часов в день он слушает радио. Во втором разговоры автоматически учитываются на телефонной станции, и человек получает в конце месяца счет. В первом случае мы имеем дело с благом общего, а во втором – частного пользования.

Может возникнуть возражение: как же так? Ведь, наоборот, радиостанции очень часто бывают частными, а телефонные сети в большинстве стран принадлежат государству! Действительно, в данном случае форма собственности часто не соответствует характеру блага. Это связано с вопросом монополии, которая нежелательна в случае радио, но желательна в случае телефонной сети. Однако рассмотрением вопроса о монополиях мы займемся позже. Пока же скажем, что *в большинстве случаев* предоставлением благ общего пользования занято государство, а благ частного пользования – рынок.

Классический пример блага общего пользования – это маяк. Управление, в ведомстве которого находится маяк, несет постоянные издержки на его постройку и содержание. Но его *предельные издержки* равны нулю: стоимость содержания маяка не изменится от того, увидят ли его сигнал один корабль в день или 100 (равно как от числа слушателей не изменится стоимость радиовещания с данного передатчика). Эффективное распределение ресурсов требует, чтобы цена была равна предельным издержкам. Поскольку предельных издержек нет, маяком надлежит пользоваться бесплатно. Что же касается постоянных издержек на его постройку и содержание, то их придется оплачивать обществу в целом. Чтобы не было пользования «зайцем», т. е. за чужой счет, желательно, чтобы оплата эта не была добровольной, а происходила путем обязательных налогов. Это в интересах общества в целом.

Здесь можно, конечно, возразить: с какой стати мне, живя, скажем, в Туле, оплачивать своими налогами маяк во Владивостоке? И действительно, желательно, чтобы оплата постоянных издержек устройства морской навигации шла за счет налога на мореплавателей, а не на всех жителей страны. Так же как устройства воздушной навигации желательно оплачивать из налогов на авиацию. Тогда лучше будет известна реальная экономическая стоимость мореплавания и авиации, они не будут получать скрытых субсидий. Но разница между общими налогами и налогами на пользователей уже относится к теории налогообложения, которой мы займемся несколько позже. Сейчас нам важно выяснить, чем блага общего пользования, которые должно оплачивать общество, отличаются от благ частного пользования, за которые платит лично каждый индивидуальный пользователь. Отличаются они тем, что *предельные издержки, которые причиняет каждый дополнительный пользователь, невели-*

лики. Они не обязательно равны нулю, но *создавать из них систему индивидуальной оплаты пользователем – нет смысла.*

На уровне общегосударственном типичные примеры благ общего пользования, или неделимых благ – это дипломатическое представительство, оборона, охрана правопорядка, сбор статистической информации, о котором речь шла ранее, равно как и общие административные расходы. На местном уровне – это местная полиция, пожарная охрана, содержание улиц, площадей и парков.

Более спорными представляются такие услуги, как водоснабжение или уборка мусора. Здесь многое зависит от местных условий и того, насколько пользование ими колеблется от потребителя к потребителю, насколько оно «эластично». В засушливых районах, где воду дорого доставать, где важно избежать утечки через неисправные краны и где некоторые используют воду только в домашнем хозяйстве, а другие и для полива, имеет смысл ставить счетчики воды и взимать плату с каждого за каждый использованный им литр. Уборку мусора желательно бы было производить по принципу «загрязнитель платит», но это не всегда осуществимо и может вести к обратным результатам: чтобы избежать пользования платной уборкой, люди могут начать выбрасывать мусор где попало, причиняя обществу «внешние издержки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.